

Литература

- А. Беллч. Природа и происхождение
И. М. Железняк. Очерк сербохорватского антропонимического словообразования. Киев, 1969.
- В. Сімович. Историчний розвиток
В. Сімович. Историчний розвиток українських (здрібнелих та згрубілих) чоловічих хресних мен із окремишньою увагою, на завмерлі суффикси. — «Sborník prací I sjezdu slovanských filologů». sv. II. Praha, 1929.
- А. Belić AfslPh XXIII, XXVI
А. B e l i ć. Zur Entwicklungsgeschichte der slavischen Deminutiv- und Amplifikativsuffixe. — AfslPh, Bd. XXIII, XXVI.
- К. Brugmann. Grundriss II, 1
К. B r u g m a n n и B. D e l b r ü c k. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Bd. I, T. 1. Strassburg, 1906 (2-е изд.).
- W. Doroszewski PF, XIV
W. D o r o s z e w s k i. Monografie słowotwórcze. — PF, t. XIV. Warszawa, 1929.
- J. Endzelíns BVSF
J. E n d z e l i n s. Baltu valodu skaņas un formas. Rīgā, 1948.
- J. Endzelíns LVG
J. E n d z e l i n s. Latviešu valodas gramatika. Rīgā, 1951.
- Z. Kawyn-Kurzowa
Z. K a w y n - K u r z o w a. Staropolskie nazwy własne z sufiksem *-d-* (na marginesie imienia Suled). «Sprawozdania z posiedzeń Komisji naukowych PAN», t. XI, 2. Kraków, 1968.
- A. Leskien BNL
A. L e s k i e n. Die Bildung der Nomina im Litauischen. Leipzig, 1891.
- H. Pedersen IF V
H. P e d e r s e n. Das indo-germanische *s* im Slavischen. — IF, Bd. V, 1895.
- J. Rozwadowski MPKJ IV
J. R o z w a d o w s k i. Questiones grammaticae. «Materiały i prace Komisji językowej Polskiej Akademii Umiejętności», t. IV.
- W. Taszycki
W. T a s z y c k i. Najdawniejsze polskie imiona osobowe. — W. T a c z y c k i. Rozprawy i studia polonistyczne, t. I. Wrocław—Kraków, 1958.
- A. Vaillant RES XVIII
A. V a i l l a n t. Le Suffixe russe *-jaga-*. — RES, t. XVIII, fasc. 1—2, 1938.
- W. Vondrák VSG I, VSG II, 1906
W. V o n d r á k. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. 1,2-te Auflage, Göttingen, 1924.
- J. Zubatý AfslPh XXV
J. Z u b a t ý. Zu den slavischen Femininbildungen auf *-yni-*. — AfslPh, Bd. XXV, 1903.

В. Н. Топоров

ЕЩЕ РАЗ ОБ И.-Е. **BUDH-* (:**BHEUDH-*)

В этих заметках речь пойдет об и.-е. корне, в частности, отраженном в др.-инд. *budhná-*, др.-греч. *πυθμήν*, лат. *fundus*, нем. *Boden* и т. п. ('дно', 'основание', 'низ' и др.) и недавно проанализи-

зированной в связи с такими мифологическими именами, как *Ahi Budhnyā*, Πύθων, Бадньак¹. В настоящее время возможно расширить круг мифологизированных употреблений слов этого корня. Ниже следуют два примера, относящиеся к обозначению реалий большого культурно-исторического значения.

1. Фрак. Βούζαντιον в индоевропейской перспективе

Название этого города, ставшего при Константине столицей Восточной Римской Империи (Византии, которой он позже дал свое имя) уже истари объяснялось из имени легендарного основателя города Βύζας,² прибывшего в 658 г. до н. э. во главе экспедиции мегарцев на берега Босфора (Боспора) и здесь по указанию Дельфийского оракула заложившего поселение³. Нередко этимологическое объяснение Βούζαντιον и сейчас ограничивается подобным указанием⁴, хотя само имя Βύζας нуждается в объяснении, не говоря о том, что поселение на месте Византия существовало еще до VII в. до н. э., а сам мотив называния города по имени основателя в данном случае ничем не подтвержден и поэтому должен рассматриваться как обычная (а для этих мест весьма характерная) этимологическая легенда ономастического круга. О других старых этимологиях названия Βούζαντιον, не получивших одобрения или продолжения позже, в данном случа-

¹ См. статью автора в сб. «Этимология 1974». М., 1976, стр. 3—15.

² Nom. Sg. Βύζας, Gen. Βύζαντος. Форма Βύζας отмечена уже на монетах Византии, см. В. W. Head. *Historia Numorum. A Manual of Greek Numismatics*. Oxford, 1911, стр. 270. Но Стефан Византийский употребляет форму Βύζας, Βύζαντος, ср. 215, 15: ἐνθα [= ἐν Γυνναϊκῶν, λιμένι] φασὶ τὴν γυναῖκα Βύζαντος Φιδάλειαν διώσασαν ἅμα ταῖς γυναῖξι τοὺς μετὰ Στροϊζοῦ τοῦ ἀδελφοῦ Βύζαντος τῇ πόλει πιθεμένους, τῶν πολιτῶν μὴ παρόντων, νικῆσαι διώσασαν μέχρι τοῦ Λιμένος καὶ οὕτως ὀνομάσθαι. Как видно из 189, 3—4, эта форма объясняется смешением с названием ливийского города, жители которого обозначались двойко — Βύζαντες и Βύζαντες. См. D. Detschew. *Die thrakischen Sprachreste*. Wien, 1957, стр. 95. Имя Βύζας, Βύζος, Βύζης в связи с другими лицами отмечено еще несколько раз, ср. Paus. 5, 10, 3 (художник с Наксоса), Zonar 9, 28 (фракийский династ), Inscr. Graec. ad res Roman. pertinent. I, 1511, 1512 (военачальник на Крите) и др.

³ Ср. Hesych. Mil. 5: ἑταροὶ δὲ Μεγαρεῖς ἱστορήσαν ἀπὸ Νίσου τὸ γένος κατάγοντας εἰσπλοῦν ἐν αὐτῷ ποιησαμένους τῷ τόπῳ ὕψ' ἡγεμόνι Βύζαντι, οὐπερ τὴν προσηγορίαν μυθεύουσιν τῇ πόλει προστεθῆναι. ἄλλοι δὲ Σεμέστρης τῆς ἐπιχωρίου νόμφης παῖδά τινα γεγονότα τὸν Βύζαντα ἀναπλάττουσι.

⁴ Впрочем допускаются и модификации, связанные, в частности, с привлечением новых параллелей. Так, Кречмер (Glotta, 14, 1925, стр. 94—95) видел в Βούζαντιον производное на -ιο- от основы Βούζανт-, от иллирийского имени собственного Βύζας, связываемого с далматинским *Beuzas* (ср. Gen. *Beuzantis*), *Beusas*; последние в свою очередь уже сравнивались с мессап. *baostas*, апулийск. *Bouzos*, *Busa*, *Busia* и др., см. W. Deescke. — «*Rheinisches Museum für Philologie*» 36, 1881, стр. 593; W. Schulze. *Zur Geschichte lateinischer Eigennamen*. Berlin, 1904, стр. 38. Ср. Н. Krahe. *Lexikon altillyrischer Personennamen*. Heidelberg. 1929, стр. 21, 26, 27 и др.

говорить нет необходимости⁵. Вместе с тем следует упомянуть чисто фонетическую этимологию Βυζάντιον, принимаемую Дечевым и Георгиевым, — из и.-е. *bhug'o- 'козел', *bhug'-ent- 'козленок' (ср. авест. *būza* 'козел', н.-перс. *buz*; арм. *buz* 'ягненок')⁶. Лишенная семантических оснований и не поддержанная объяснениями, относящимися к реалиям, эта этимология не может быть доказана и поэтою, по крайней мере, пока не является убедительной.

Очевидно, что каждая новая попытка объяснения названия Византия должна начинаться практически с нулевого уровня. В высшей степени правдоподобным нужно считать мнение о ф р а к и й с к о м происхождении названия. Фракийский топонимический пласт именно в этом районе, как и на смежных территориях Балкан и северо-западной Малой Азии, настолько густ и беспорен — во многих случаях уже и для древних, — что иное происхождение Βυζάντιον было бы полной неожиданностью⁷. Собственно говоря, это заключение, как и документальные данные, фиксирующие само название, и образуют тот исходный фонд, с которым приходится считаться исследователю.

Древнейшие известные случаи употребления названия города Византия и его жителей византийцев относятся к V в. до н. э. Геродот одиннадцатикратно упоминает название города (IV, 87, 138, 144; V, 26, 103; VI, 5, 26, 33; IX, 89) и трижды его жителей (IV, 87, 144; VI, 33), ср. IV, 138: Ἀρίστων Βυζάντιος; VI, 33: Σηλομβρή τε καὶ Βυζάντιον; IV, 87: Βυζάντιοι и т. п., или у Фукидида — VIII, 80, 3: Βυζάντιον, I, 115, 5: Βυζάντιοι. Название города и его жителей еще чаще упоминается у более поздних авторов — как греческих (Птолемей, особенно часто Страбон и др.), так и латинских (Тит Ливий, Плиний, Помпоний Мела, Аммиан Марцеллин и др. — *Byzantium* и *Byzantii*)⁸. Пожалуй, наиболее полным и интересным в виду преследуемых здесь целей нужно считать сообщение Стефана Византийского:

Βυζάντιον, τὸ ἐν Θρᾶκῃ βασιλείον, πόλις διασημοτάτη, πρὸς τῇ Προποντίδι, πρὸς τῷ μέρει τῆς Εὐρώπης... ἐκτίσθη ἀπὸ Βύζαντος⁹ τοῦ Κερύεσσης τῆς Ἰούβς θυγατρὸς καὶ Ποσειδῶνος, ἣ ὅτι τοῦ στόλου Βύζης ἦν ἡγεμών. καὶ ὅτι οἱ ἐχθροὶ αἰσθητικώτατοι τῶν ἀνέμων ἐκεῖσε... τὸ ἔθνικόν τοῦ Βύζας Βύζαντιος διὰ τοῦ τ, τὸ δὲ κτητικόν διὰ διφθόγγου. τὸ δὲ Βυζάντιος ἔθνικόν τριγενές. τὸ δὲ κτητικόν Βυζαντιακός. λέγεται καὶ Βυζαντιάς καὶ Βυζαντίς. ἔστι καὶ ἐπὶ τῆς χώρας Βυζάντεια διὰ διφθόγγου. ἀπὸ δὲ τοῦ Βυζάντιος Βυζαντία, Βυζαντιανός καὶ Βυζαντειανός διὰ διφθόγγου.

⁵ О них см. G. Curtius. Grundzüge der griechischen Etymologie. Leipzig. 1879, стр. 291 (5. Aufl.); Н. Grasberger. Studien zu den griechischen Ortsnamen. Leipzig, 1884, стр. 110, 278 и др.

⁶ См. Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. София, 1952, стр. 12; В. Георгиев. Тракийският език. София, 1957, стр. 59, 60, 69.

⁷ Связь нижних культурных слоев Византия именно с фракийскими археологическими культурами ориентирует в том же направлении.

⁸ Подробнее см. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 94.

⁹ Ср.: Βυζάντιον ἡ πόλις, διὰ τὸν Βύζαντα τὸν Θρᾶκῃς βασιλέα. Etymol. M.

Именно в этом фрагменте излагается поздняя мифологическая родословная: Ио родила Кероэссу — *Κερόεσσα* (ср. τὸ Κέραс 'Ρογ', Pol. IV, 43, 7, *Bizantinorum Cornu*, на нем стоит Византий), сыном которой от Посейдона и был Βύζας (основа Βύζαντ-) ¹⁰. По другой версии Βύζας — сын нимфы Семестры (Семистры) ¹¹ и муж Фидалеи ¹², дочери Барбисеса ¹³. Таким образом оказывается, что совокупность основных топонимов и гидронимов вокруг Византия находит соответствие на мифологическом уровне, где элементарные сюжетные связи, объединяющие мифологические персонажи, рассматриваются как семантические мотивировки топографических названий. Иначе говоря, последние трактуются как проекция неких мифологических событий и поэтому должны пониматься как *topographia sacra*. При этом следует помнить, что мифологический круг, привлекаемый для толкования данных названий, шире, чем объясняемые им топонимические факты: он может имплицировать элементы мифологической системы, которые сами по себе могут и не иметь топографических проекций, по крайней мере, в данном конкретном случае (ср. Зевс и Гера, вовлекаемые через Ио в сюжет, Посейдон как отец Βύζας'а и др. не имеют отражений в этом регионе). Несомненно, что мифологические мотивировки названий с течением времени довольно значительно изменялись. Отсюда — обилие объяснений, построенных на ложно-этимологических основаниях; попытки ввести в объяснительный мифологический уровень специфически древнегреческие персонажи, не имеющие очевидных соответствий в фракийской мифологии, и, следовательно, частичная переориентация в трактовке местных названий в направлении от фракийского к древнегреческому. Один из характерных примеров — уже упоминавшееся речное название Βαρβύσης (и соответствующее ном. гротр. Βαρβύσιος), грецизированное у Свида: διὰ τῆς γεφύρας τοῦ Βαρυβύσσου ποταμοῦ (Suid. s. v. 'Ηρακλειος), при др.-греч. βαρός 'тяжелый', 'сильный' и βυσσός 'глубина' (в частности, морская), 'про-

¹⁰ Существенно, что по другим сведениям, Βύζας был воспитан нимфоисточника Βυζία (*Byzia*), ср. Hesych. Mil. 8, 9; Procop. De aedific. I, 5, 191 (ср. источник Βυζία во Фракии или Βύζη, имя дочери речного божества Эрасиноса в Аргосе). Вместе с тем имя Βύζη принадлежало мнимой дочери Βύζας'а. В поздних источниках Посейдону, отцу Βύζας'а, приписывают и сына по имени Βυζίνος (Zenob. II, 63).

¹¹ Ср.: Σεμέστρης νύμφης βωμός... Hesych. Mil. 4, 3; Σημύστρας βωμός, ἀφ' ἧς καὶ τοῦνομα τῷ χωρίῳ. Σημύστρα δέ, νυμφὴ ναῖς, Κερόεσσης τροφός. Dion. Byz. 24; Σεσιμήτρης νύμφης βωμός. Codin. I, 3 — как обозначение места при слиянии рек Барбисеса и Кидароса (см. Hesych. Mil. 4, 3), образующих Золотой Рог, см. Gillius. Bosp. Thrac. Geogr. gr. min. II, 28. Именно здесь, по показаниям старых источников, был основан древнейший Византий. Это место было выбрано вороном, о котором говорит старое предание, см. Sym. Logoth. (Müller, Geogr. gr. min. II, 28 A).

¹² Ср. ниже: Φιδάλεια, Φαιδαλία, Φειδαλία.

¹³ Ср.: ἐν ἐκείνῳ τῷ χωρίῳ, ἐν ᾧ Κύδαρος τε καὶ Βαρβύσης ποταμοὶ τὰς διεξόδους ποιοῦνται. Hesych. Mil. Müller FHG 4, 147, 3; Λέγεται τὸ Βυζάντιον Θρακίης ἐμπόριον εἶναι καὶ ὅτι τοπάρχης ἦν ἐν αὐτῷ Βαρβύσιος, ὁ πατὴρ Φεδαλίας. Chron. Pasch. 1, 493 (где Βαρβύσιος—Nom. propr.).

пасть' (ср. $\beta\omega\theta\acute{\omicron}\varsigma$, то же)¹⁴, тогда как первоначально речь могла идти о корне с минимально выраженным удвоением **Barb-* (находящем многочисленные соответствия с гидронимии центрально-европейского типа), оформленном типичным, между прочим, для малоазийского ареала суффиксом *-us-* (*-us-*), или даже о сложном слове с первым элементом *Var-* (ср. фрак. *Zouróβara*. Ptol. 3, 8, 4, город в Дакии, при *Zourēs*, или *Tαμoνβαρι*. Pтосор. De aedific. 4, 11, замок в области Эбра¹⁵, и вторым элементом *-βωσ-*, в котором, учитывая частые случаимены *-σ:-ζ-* (ср., в частности, *Βούσας: Βούζης, Βύζης* и т. п.), можно предполагать трансформацию более старого *-βωζ-*¹⁶, присутствующего и в *Βούζαντιον*; в этой связи особенно показателен, конечно, вариант *Varβύζης*. Если это второе предположение верно, то *Varβύζης*, видимо, могло бы для более раннего времени толковаться как 'пожждающий (несущий) некий водный объект, обозначаемый корнем *Βωζ-*'. Такое название могло первоначально относиться именно к Золотому Рогу, питаемому как раз водами Барбисеса. В этом случае полностью объяснялось бы и то, что древнейший Византий находился именно в верхнем конце Золотого Рога, т. е. как раз там, где Барбисес, сливаясь с Кидаросом, дает начало Золотому Рогу (**Βωζ-*)¹⁷. Характерно, что среди разных древних названий Боспора (*os / fretum / Ponticum, Στενόν* [ср. этникон *Στενίτης*] при тур. *Boghas* и т. п.) известно и *Βούζαντιαχόν στόμα*¹⁸ (*Βούζαντιαχόν τὸ στόμα*. Strab. I, 21, 2; также *Βούζαντιον στόμα*. Strab. I, 49 и даже: *τὸ στόμα τὸ κατὰ τὸ Βούζαντιον*. Strab. II, 71; XII, 563). Впрочем, и само название Боспора, объясняемое из древнегреческого **Βωός-πορός* 'бычий брод' (через гиферезу)¹⁹ и обозначающее многие узкие морские проливы, но прежде всего, конечно, Боспор Фракийский (Aesch. Pers. 723, 746)²⁰, у конца которого стоит Византий (ср. также Боспор Киммерийский и др.), весьма вероятно, явилось переделкой более старого фракийского названия. Ср., с одной стороны, весьма многочисленные фракийские *composita* с вторым членом *-para*, *-паро(ν)*, *-парос*, *-παρου*, *-парων*, *-περα* (*-para*, *-phara*, *-paro*)

¹⁴ Ср. вариант *Βάρβυσσοσ*.

¹⁵ См. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 42, 195, 488.

¹⁶ Ср., однако, и фрак. *-βωσ(σ)-γνός* и под.

¹⁷ Модель типа *Βωζ-* (местное или водное название): *Βωζ-αντ-* (поселение, обозначение некоей совокупности, множественности, ср. анатол. *-a/ant-* в этой функции) достаточно хорошо известна. Впрочем, уместно напомнить, что первоначально название *τὸ Κέρας* относилось не к морской бухте, а к имеющему форму рога полуострову (собственно предгорью, образующему мыс), на котором позже находился Византий; ср., однако, *Ἐσπέρου Κέρας, Νότου Κέρας* и т. п. применительно к бухтам.

¹⁸ Ср. также *στόμα τοῦ Πόντου*.

¹⁹ Ср.: K r e t s c h m e r. — «Glotta» 27, 1939, стр. 29; Frisk I, стр. 254 и т. д.

²⁰ Ср.: «Скилак из Карианды свидетельствует, что пролив у Халкедона и Византия, теперь называемый Боспором Фракийским, прежде носил имя Мисийского Боспора. Это можно принять как свидетельство того, что мисийцы были фракийцами». XII, 4, 8. См. Страбо. География в 17 книгах. М.—Л., 1964.

и др.²¹, а с другой стороны, такие названия, как Βοσπῳρα, замок вблизи Βεσούπαρον, *Bessapara* (*Bessa*, *Bessum*), см. Pгосор. De aedific. 4, 11²². Характерно, что имя Боспора связано и с тем местом, где находился исторический Византий: Βοσπόριος ἄκρα — так называлась оконечность самого полуострова, древнего τὸ Κέρας, с которым связан один из основных эпизодов истории Ио, носившей коровьи рога (κέρατα), — переправа на азиатский берег²³; впрочем, эта история связывается и с Боспором Киммерийским (Aesch. Prom. 733; Kallim. Art. 254; Hyg. fab. 145; Schol. Apoll. Arg I, 1114).

Мифологический сценарий, связанный с Βύζας'ом, разыгрывается и в других местах этого региона. Так, с именем жены Βύζας'а Фидалеи соотносится название белой скалы в море неподалеку от Византия — Φαιδαλία (Dion.), Φειδαλία (Suid), Φιδάλεια (Steph. Byz.), — где, по преданию, находилась гробница Фидалеи. Не менее любопытны с точки зрения мифологических ассоциаций или в связи с теми или иными особенностями ландшафта, получившими мифологическую интерпретацию, и другие названия на Боспоре, т. е. в непосредственном соседстве с Византием. К их числу нужно отнести Αἰθλητής, название, данное по имени флейтиста Πύθων²⁴, ср. αἰθλητική (sc. τέχνη) 'искусство игры на флейте', αἰθλις 'игра на флейте', αἰθλητής, αἰθλητήρ 'флейтист', αἰλέω 'играть на флейте', αἰλός 'флейта', 'дудка' и т. п. Это название, как и приведенные здесь слова того же корня, связано с др.-греч. αἰλῶν как обозначением всякого углубленного места в горах и на побережье, ущелья, долины, узкого прохода, горловины²⁵ и т. п. (ср. πόντιαι αἰλῶνες, о море с его бухтами и проливами), что объясняет значительное количество топонимов Αἰλῶν²⁶. Уместно напомнить, что αἰλ- как обозначение ущелья, горловины, пролива, с одной стороны, и музыкального инструмента, с другой, находит соответствие в уже упоминавшемся κέρας 'протока', 'пролив', 'бухта' 'отрог', 'вершина' и т. п., но и 'рог', 'рожок' (музыкальный инструмент)²⁷. При этом

²¹ См. D. Detschew. Указ. соч., стр. 356—357.

²² См. D. Detschew. Указ. соч., стр. 55, 76; P a u l y - W i s s o w a. Reallexik. s. v. *Bosporos*.

²³ Сходным образом мотивируется и название Геллесπονта: Гелла на пути в Колхиду упала при переправе с золоторунного барана и утонула в проливе (πορθμός 'Αθμάντιδος 'Ελλάς. Aesch. Pers. 69, откуда — 'Ελλήσποντος или 'Ελλης πορθμός).

²⁴ Ср.: P a u l y - W i s s o w a. Reallexik. 5. Hlb. Stuttgart, 1897, s. v. *Bosporos*. Показателен мотив поэтических, прежде всего музыкальных способностей у персонажей причастных к сфере хтонического и оргиастического, о чем писалось в другой связи.

²⁵ Ср. выше о Στενόν (тур. *Boghas*) при στενός 'узкий проход', 'ущелье', 'теснина', 'пролив' (ср. στενήτης).

²⁶ Среди них наиболее известны: 1) ущелье и город на реке Кипариссе в Мессении (Xen. Hell. 3, 2, 25; 3, 8); 2) город на сев.-зап. оконечности Стримонского залива в Македонии (Thuc. IV, 103); 3) портовый город (в бухте) в Иллирии (=Валона); 4) место в Аттике, видимо, долина, разделяющая два главных хребта Лавриона, и др.

²⁷ Ср. устойчивые сочетания, соединяющие эти два корня: αἰλέω τῷ κέρατι 'трубить в рожок' (*cornu inflo*).

и αὐλ- и κερ- используются в местных названиях²⁸ и, в частности, в непосредственном соседстве друг с другом в Византии и его окрестностях. Показателен и эпитет Диониса — Αὐλωνεύς²⁹.

Неподалеку, к северу от Архейона, находится крутое взгорье, некогда с культовым сооружением, посвященным «морскому старцу», с которым в древности связывали разных персонажей — Нереея, Форкиса, Протея, отца Семестры и под.³⁰ Gillius, II, 9 называет это место Κλειδίον (теперь тур. *Defterdar burnu*), что должно объясняться как затор, преграда, ср. др.-греч. κλειδῶν 'запирать', 'замыкать' (ср. Κλειδες, два островка у Кипра и т. п.); этот мотив запирания вод один из весьма частых в мифологических объяснениях топографии (ср. также Вритру).

Особенно мрачные представления связывались с т. н. Кианейскими скалами (Κυάνεαι, αἱ πέτραι, νῆσοι)³¹, или Симплегадами (Συμπληγάδες, σύνοδοι 'сдвигающиеся', ср. Πλαγκταί 'блуждающие'), двумя горными скалами у входа из Черного моря в Босфор (ср. Κυάνεα πελάγη, о Боспоре и Черном море), которые, по преданию, то сдвигались, то раздвигались и поэтому были особенно опасны для мореплавателей³². Кианейские скалы, фигурирующие в мифе об аргонавтах, утратили свою подвижность, как уверяет предание, именно после того, как корабль аргонавтов прошел между ними.

Описание Кианейских скал и их функция в сюжете мифа отсылают к еще более знаменитым Скилле и Харибде (Σκύλλα / Σκύλλη, Χάρυβδις) у входа в Сицилийский пролив³³; любопытно, что Скилла жила в скале и поэтому могла бы трактоваться как персонафицированная скала. В свете этой параллели особое значение приобретают и некоторые другие совпадения типа Πλαγκταί (πέτραι) как обозначение Кианейских скал на Боспоре и одновременно вулканической скалы недалеко от Скиллы и Харибды в Сицилийском проливе. Таких примеров в этих двух ареалах немало: ряд из них был уже давно указан, другие известны, но не привлекали к себе специального внимания. Тем не менее, наличие этих совпадающих формально и/или функционально фрагментов мифологизированной топонимии, замеченное еще в древности, имеет первостепенное значение для установления направления и особенностей динамики в освоении древними греками Средиземноморского бассейна (от Малой Азии к западу). Во всяком случае уже Страбон, по сути дела, имел в виду этот перенос ланд-

²⁸ Ср. Κάλαμος на Боспоре — при κάλαμος 'свирель', 'тростник'.

²⁹ Ср. Frisk, I, стр. 186—187.

³⁰ Тот же автор упоминает о скале с храмом Гекаты (на Боспоре).

³¹ Ср. κυάνεος 'темный', 'темно-синий', 'черный'.

³² Ср.: Δαρειὸς δὲ . . . ἐνθεῦτεν ἐσθάζεσσι ἐς νέα ἐπλεσε ἐπὶ τὰς Κυανέας καλευμέναις, τὰς πρότερον πλαγκτάς 'Ἐλληνέες φασὶ εἶναι . . . Hdt. IV, 85.

³³ Иногда в названии турецкой деревушки *Гарибче* (у входа в Черное море) видят отражение Χάρυβδις. Ср.: Джелал Эссад. Константинополь от Византии до Стамбула. М., 1919, стр. 18 и др.

шафтной номенклатуры в указанном направлении еще у Гомера (такой перенос и приспособление старой ландшафтной номенклатуры, в частности, мифологизированной, к новым территориям весьма нередок при миграциях). Кианейские скалы (которые иногда называют Симплегадами) дали поэту [sc. Гомер] добавочный материал для этого рассказа, так как они весьма затрудняют плавание через пролив у Византия [далее — рассказ о плавании Иасона в Эю]. Поэтому, если сравнить Эю Кирки с Эей Медеи и Гомеровы Планкты с Симплегадами, то плавание Иасона через Планкты тоже представится совершенно правдоподобным. По-видимому, вероятно и плавание Одиссея между скалами, если вспомнить Скиллу и Харибду. С другой стороны, в гомеровскую эпоху Понтийское море вообще представляли как бы вторым Океаном и думали, что плавающие в нем настолько же далеко вышли за пределы обитаемой земли, как и те, кто путешествует далеко за Геракловыми Столпами. Ведь Понтийское море считалось самым большим из всех морей в нашей части обитаемого мира³⁴, поэтому преимущественно ему давалось особое имя «Понт» . . . Может быть, по этой причине Гомер перенес на Океан события, разыгравшиеся на Понте, предполагая, что такая перемена окажется по отношению к Понту легко приемлемой в силу господствующих направлений³⁵. Такого рода перенесения — и не только в горизонтальной плоскости, но и по вертикали (т. е. из нашего мира, с земли в иной мир, на небо или в подземное царство) — были обычным приемом для мифопоэтической традиции. Так, Страбон же сообщает: «Кроме того, на основании реальных сведений о том, что киммерийцы жили у Киммерийского Боспора, в мрачной северной области, Гомер соответственно перенес их в какую-то мрачную область по соседству с Аидом, подходящую местность для мифических рассказов

³⁴ Ср. Геродот IV, 85: «. . . так как Понт самое замечательное из всех морей», в более полном контексте: . . . ἐξόμοιος [sc. Дарий] δὲ ἐπὶ ρίψι ἐθέτειτο τὸν Πόντον, ἕοντα ἀξιόθετον.

³⁵ Соответствующий греческий текст см. Н. L. Jones. The Geography of Strabon. I—VIII. London, 1917—1932. Ср. версию текста в кн.: Strabonis Geographica recensuit Wolfgang Aly. Volumen primum. Bonn, 1968 (Libri I—II): προζέδοσαν δὲ τι καὶ αἱ Κυάνει, ἅσπερ Συμπληγάδας καλοῦσι πέτρας τινές, τραχὺν ποιῶσαι τὸν διέκπλον τὸν διὰ τοῦ Βυζαντιανοῦ στόματος, ὥστε παρὰ μὲν τὴν Αἴαν ἢ Αἰκίδη, παρὰ δὲ τὰς Συμπληγάδας αἱ Πλαγκταί, καὶ ὁ δι' αὐτῶν πλοῦς τοῦ Ἰάσονος πιθανὸς ἐφάνη, παρὰ δὲ τὴν Σκύλλαν καὶ τὴν Χάρυβδιν ὁ διὰ τῶν σκοπέλων πλοῦς, ἀπλῶς δ' οἱ τότε τὸ πέλαγος τὸ Ποντικὸν ὥσπερ ἄλλον τινὰ Ὠκεανὸν ὑπελαμβανον καὶ τοὺς πλέοντας ἐκείσιν ὁμοίως ἐκτοπίζειν ἔδοκον, ὥσπερ τοὺς ἐξω Σητῶν ἐπὶ πολὺ προϊόντας· καί γὰρ μέγιστον τῶν καθ' ἡμᾶς ἐνομίζετο, καὶ διὰ τοῦτο καθ' ἐξοχὴν ἰδίως Πόντον προσηγόρευον, ὡς ποιητὴν Ὅμηρον, ἴσως οὖν καὶ διὰ τοῦτο μετήνεγκεν τὰ ἐκ τοῦ Πόντου πρὸς τὸν Ὠκεανὸν ὡς εὐπαράδεκτα διὰ τὴν κατέχουσαν δόξαν. I, 2, 10. См. также: W. Aly. Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographica. München, 1960.

о странствовании Одиссея»³⁶. Напрашивается мысль, что для населения юго-восточной части Балкан и северо-западной части Малой Азии именно Черное море понималось первоначально как **О к е а н** (лишь позже греки познакомились и с его западным воплощением — за Геракловыми Столпами). Само же представление об Океане было предельно мифологизировано: он был не только обозначением периферии по горизонтали, но и элементом космологической вертикальной схемы, сыном Урана (**Н е б а**) и Геи (**З е м л и**), отцом вод, местопребыванием небесных светил. Понимание Черного моря как части Океана и обусловило самые мрачные ассоциации, связанные с ним, начиная с представлений финикийцев о нем как о **с м е р т о н о с н о й** **б е з д н е** и кончая его эпитетами (даже поздними или вторичными, как Πόντος ἄξεινος у Пиндара), сравнениями (со скифским луком — до Птолемея и т. п.) и другими его образами. Еще древние греки считали, что Черное море в результате гигантского катаклизма при Девкалионе³⁷ **п р о р в а л о с ь** к Средиземному морю через Боспор и Гелеспонт, образовавшиеся именно в это время. Логографическая и ранняя географическая традиция также сохранили память об этом смертоносном прорыве Черного моря, ср.: «Стратон высказывает мнение, что Евксинский Понт прежде не имел выхода у **В и з á н т и я**, но реки, впадающие в Понт, **п р о р в а л и** и **о т к р ы л и** **п р о х о д** и вода устремилась в Пропонтиду и Геллеспонт»³⁸. Разумеется, что догреческое население этого ареала и, в частности, фракийские племена,

³⁶ Ср.: οὗτω δὲ τοὺς Κιμμερίους εἰδὼς οἰκοῦντας τὸν Κιμμερικὸν Βόσπορον πρὸς βορρᾶν <ὄντα> καὶ ζοφώδῃ μετήγαγεν οἰκείως εἰς σκοτεινόν τινα τόπον τον καθ' ἑαυτὸν «Αἰδῆν χρήσιμον ὄντα πρὸς τὴν μυθοποιᾶν τὴν ἐν τῇ πλᾶνῃ. I, 2, 9. Об этих же местах писал еще Геродот: «В этот Понт изливается еще озеро величиной немного меньше его самого. Оно называется Меотидой и Матерью Понта (... ἢ Μαῖητίς τε καλεῖται καὶ μήτηρ τοῦ Πόντου)». IV, 86. См. О. Н. Трубачев, *Temarundam 'matrem maris'*. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. «Античная балканистика» 2. М., 1975, стр. 38—47. О мотиве 'мать вод' см. в связи с Барбисесом и Семестрой.

³⁷ Показательно, что именно с Девкалионом (сыном Прометея и Климены) и Пиррой связывается мотив последопотопного происхождения людей (бросание камней Девкалионом → мужчины и Пиррой → женщины) и начало эллинов: Эллин (Геллен) — их сын, отец Эола, Дора и Ксута, эпоним Эллады. Восточные истоки одной части мифа о Девкалионе и поздний характер другой (эллинская этимология) намечают основные вехи в развитии мифа и косвенно определяют географию мифа.

³⁸ Ср.: ... τοῦ δὲ Στράτωνος ἐστὶ μᾶλλον ἀπομένου τῆς αἰτιολογίας, ὅτι φησὶν οἰεσθαι τὸν Εὐξεινον μὴ ἔχειν πρότερον τὸ κατὰ Βυζάντιον στόμα, τοὺς δὲ ποταμοὺς βιάσασθαι καὶ ἀνοίξει τοὺς εἰς αὐτὸν ἐμβάλλοντας, εἰτ' ἐκπεσεῖν τὸ ὕδωρ εἰς τὴν Προποντιδα καὶ τὸν Ἑλλησποντον Strab. I, 3, 4; ср. I, 3, 6: о прорыве моря у Византия, ср. также I, 3, 5: «Но, как я сказал, непосредственная причина таких явлений в том, что само морское дно то поднимается, то оседает. . .» и далее: «В противном случае он [sc. Стратон] не считал бы дно моря причиной течения у **В и з á н т и я**; он утверждает, что дно Евксинского Понта выше дна Пропонтиды и моря, следующего за Пропонтидой».

пришедшие сюда немного ранее, не могли не знать об этом катаклизме. В самом деле, как показывают геологические исследования Черного моря, последний раз оно соединилось через проливы с Средиземным морем, вероятно, только за 4—5 тысячелетий до н. э. (по подсчетам Н. М. Страхова)³⁹; тогда же образовался и Босфор, древняя речная долина, затопленная морем в антропогене, и Мраморное море, расположенное в зоне крупных разломов земной коры в средиземноморском поясе. Этому последнему прорыву Черного моря, произошедшему уже при свидетелях — племенах, обитавших в этом районе в то время, предшествовал целый ряд более ранних прорывов (в нижнем и среднем миоцене, в самом конце миоцена) и замыканий в обширные изолированные озера⁴⁰, дающих основание говорить о своего рода пульсации Черного моря, которая в конце-концов и определила характер рельефа Боспора, Мраморного моря, побережья, включая сюда и тот мыс, на котором возник Византий. И геологические исследования этого района, и топографические описания Византия-Константинополя-Стамбула⁴¹ подчеркивают особенности рельефа и его связь с гигантской катастрофой, а отчасти и указывают на его мифологические осмысления; впрочем, и для античных авторов была ясна отмеченность этого места на стыке Европы и Азии⁴². Последующая судьба Византия, города Константина, второго Рима, столицы Восточной Римской Империи и хранителя православия, способствовала еще большей актуализации символической роли некоторых особенностей ландшафта (семь холмов Константинополя, ср. римский *Septimontium* и семь холмов «третьего Рима» — Москвы, не говоря уже о *Septem maria, Septem aquae*

³⁹ См. А. Д. Архангельский, Н. М. Страхов. Геологическое строение и история развития Черного моря. М.—Л., 1938. Следовательно, неолитическая цивилизация Малой Азии (Чатал-Гююк и др.), с ее величайшими достижениями, должна была предшествовать этому катаклизму или во всяком случае быть современной ему. Это заключение легче всего объясняет ту осведомленность об этом событии, которую обнаруживают античные источники. О роли геологических катастроф, приуроченных, в частности, к периферии Эгейского бассейна, см. И. А. Резанов. Атлантида. М., 1975. Здесь же — попытка сопоставления катастрофы на Санторине за полторы тысячи лет до н. э. (остров находится в той части Эгейского моря, которая характеризуется гравитационным максимумом) с преданием о гибели Атлантиды. См. также: L. Romerance. The Final Collapse of Santorini. Göteborg, 1970; D. L. Page. The Santorini Volcano and the Destruction of Minoan Crete. London, 1970; S. Marginalatos. Excavations at Thera I—IV. Athenes, 1968—1971 и др.

⁴⁰ В олигоцене, среднем миоцене (*Караганское озеро*), в начале плиоцена (*Понтическое озеро*), в начале четвертичного периода (*Древнеэвксинское озеро*), в конце его (*Новоевксинское озеро*), см. БСЭ 47, 1957, стр. 184 и след., особенно табл. 1.

⁴¹ Ср.: A. D. Mordtmann. Esquisse topographique de Constantinople. Lille. 1892; Paulu-Wissowa. Reallexik. 5. Hlb., стр. 1115 и след.

⁴² Ср.: hic locus est gemini ianua vasta maris. Ovid. Trist. I, 10, 32 илл.: artissimo inter Europam Asiamque divortio Byzantium in extremo Europa posuere Graeci. Tacit. Annal. XII, 63 и др.

и т. п.), прежде всего таких его объектов, как возвышенности, ущелья, узкие проливы, изрезанное бухтами побережье, одним словом всего того, что могло рассматриваться как место или даже результат разыгрывания мифологического сценария. В этой связи трудно пройти мимо хтонического родословия Βύζας'а. Отец его — Посейдон (Ποσειδῶν, эпич., поэт. Ποσειδάων, ионич. Ποσειδέων, лирич., крит., эпид., аркад. и другие надписи — Ποσειδάων, также аркад. Ποσειδάων, откуда лакед. Ποσειδάων; дорич. формы из разных мест типа Ποτ/ε/ιδᾶς, ср. эол. /?/Ποτειδα; микен. *Po-se-da-o*, Dat. *Po-se-da-o-ne*)⁴³, божество водных источников, рек, морей, с отчетливыми связями с и н ы м миром, подземным царством, с нижней космической зоной. Не случайно, что имя божества согласно возводится к *Ποτειδάων (через стяжение -δων-, -δων и т. п.) и, начиная с Фика⁴⁴ и до настоящего времени⁴⁵, как правило, трактуется как 'Господин (или Супруг) З е м л и' (ср. Δημήτηρ). Самая последняя этимология имени Посейдона предусматривает во второй части слова индоевропейский корень для обозначения текущей воды — *dā-, ср. др.-инд. *dānu* и названия рек типа *Днепр*, *Дон* и т. п., ирл. *Donny* (< **danuuiā*)⁴⁶; отсюда — Посейдон как 'господин (Супруг) вод'⁴⁷ и соотнесение его с постулируемым Дюмезилем индоевропейским богом вод, чье имя более известно в виде перифрастических образований типа др.-инд. *Apām Nāpāt*, др.-иран. *Apam Napāt*, лат. *Neptunus*, ирл. *Nechtan*. Следовательно, и в этом случае сохраняются хтонические связи Посейдона. Имя и образ матери Βύζας'а, нимфы источника Семестры апеллируют к тому же кругу идей; ср. разнообразие формы имени (Σεμέστρη, Σεμόστρα, Σεσμῆτηρ)⁴⁸, в котором, тем не менее, уже при поверхностном взгляде можно уяснить ведущие семантические тенденции, возможно, конечно, народно-этимологического толка: с одной стороны, *συν- (*συ-) & *στρ- (ср. фрак. Στρῶμών, Στρῶμη и т. п.)⁴⁹ как соединение потоков, слияние струй и т. д. (алтарь Семестры стоял как раз при соединении Барбисеса и Кидароса, ср. иллир. Σύβαρις); с другой сто-

⁴³ См. Frisk II, стр. 583.

⁴⁴ См. A. Fick. — «Curtius Studien» 8, 1876, 307; из Voc. *Πότει Δᾶς.

⁴⁵ Ср. F. Schachermeyr. Poseidon und die Entstehung des griechischen Götterglaubens. Bern, 1950, стр. 13 и след.

⁴⁶ См. C. Scott Littleton. Poseidon as a Reflex of the Indo-European 'Source of Waters' God. «The Journal of the Indo-European Studies», V. 1, № 4, 1973, стр. 423—440.

⁴⁷ Ср. мифологический мотив — Посейдон заставляет появиться лернейскую реку Амимону.

⁴⁸ См. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 429—430.

⁴⁹ Многочисленные фракийские названия этого корня см. D. Detschew. Указ. соч., стр. 481—485. Особенно интересно в этой связи имя нимфы Στρῶμή, связанное с самой сев.-зап. частью Малой Азии (Троя, Скамандр), ср.: Ἴλος δὲ γήμας Εὐρυδίκην τὴν Ἀδράστου Λαομέδοντα ἐγέννησεν ὅς γαμεί Στρῶμω τὴν Σχαμάνδρου. Apd. 3, 146 (3, 12, 3); ὁ δὲ Τιθωνὸς Ῥοιοῦς ἢ Στρομοῦς τῆς Σχαμάνδρου θυγατρὸς υἱός. Schol. Lyc, 18.

роны, *zem- (ср. фрак.-фриг. Σεμελη как персонифицированная земля, др.-фриг. ζεμελω «Мать-Земля» и т. п.)⁵⁰ & *μήτηρ 'мать', т. е. в целом — 'Земля-Мать'⁵¹. В этом же контексте находят свое место и водное происхождение жены Βύζας'а Фидалеи (она дочь речного божества Барбисеса), и храм Гекаты на скале около Византия, и культовое сооружение, посвященное Морскому Старцу (там же, см. выше), и целый ряд других, иногда более отдаленных параллелей и деталей. В частности, сын Тартара и Геи (Земли), огнедышащий Тифон, по Гомеру, живет в стране аримов в Малой Азии (другой вариант у Пиндара: под Этной, см. выше о подобных перенесениях), под землей, где его терзают молнии Зевса. Поскольку доказано, что Тифон — особая ипостась Пифона⁵² и высказывалось даже предположение (Л. А. Гиндин), что его имя — результат метатезирования имени Пифона, т. е. *budh- (Πυθ-) при *dubh- (Τουρ-), — включение в этот круг данных о Тифоне может рассматриваться как еще один аргумент в цепи доказательств основного тезиса, а именно: в названии В и з а н т и я — Βυζάντιον допустимо видеть отражение того же индоевропейского корня *budh-, который присутствует в мифологических именах др.-греч. Πύθων, др.-инд. *Ahi Budhnyà*, с.-хорв. *Bǎdňak* (*bǎdňak*) и т. п. Название мест (впоследствии — поселений, городов) по имени хтонических чудовищ, мифологических персонажей, связанных с нижним миром, не редкость⁵³. Обычно они мотивированы как особенностями рельефа (горы, холмы, ущелья, воды), так и представлением, согласно которому с убитым чудовищем и с местом этого убийства связаны процветание и богатство⁵⁴ и некоторые другие отмеченные признаки⁵⁵. Византий,

⁵⁰ См. D. D e t s c h e w. Указ. соч., стр. 429.

⁵¹ Ср. обозначение матери богов как σεμνή μήτηρ (μεγάλη μήτηρ), где эпитет случайно сходен с началом имени Семестры.

⁵² См. J. F o n t e n g o s e. Los-Angeles, 1959.

⁵³ Подробнее см. В. В. И в а н о в, В. Н. Т о п о р о в. Мифологические географические названия как источник для реконструкции этногенеза славян. Ср., в частности, *Vilnius*, в конечном счете к *vel- корню, кодирующему имя противника Громовержца (*Vel-, Vels, Vielona*, лит. *vėlnias* 'черт', лтш. *velns* и т. д.; ср. слав. *Veles*). Интересно, что сочетание Βύζ-: Κέρας имеет соответствия типа лит. *Viln- (Veln-, Vel-): Rag-* 'рог' или *Днепр (*Dānu-ivr-, ср. индо-иран. Dānu* как имя мифологического персонажа, связанного с водами) и *Рог, рог, отрог* как номенклатура ландшафта. Ср. о Боденском оз. (*Boden-See*, название того же корня, что и Βυζάντιον), иначе именуемом Швабское море: «С южного плоскогорья нужно спуститься на берег Швабского моря (des Schwäbischen Meeres), потом плыть. . . над безднами, которые долго считались неисследимыми (über Schlünde die früher für unergründlich galten)». Т. Манн. Волшебная гора. Гл. I («Ankunft»).

⁵⁴ В этом отношении симптоматично указание пифийского оракула основать новый город (Βυζάντιον) напротив владений слепцов, которые находились на малоазийском берегу Босфора (ср., напр., Tacit. Annal. XII, 63). Название слепцов в данном случае мотивируется именно тем, что они не заметили, какие бога тства (в частности, рыбные) сулит основание города на том месте, где и был основан Византий.

⁵⁵ Напр., дар прорицания в Πυθῶ, Πυθῶν, древнейшем названии местности

как место катаклизма, как точка, отмечающая вход в «смертоносную бездну» через водное ущелье Боспора, и Византий как город городов и средоточие славы, мощи и богатства⁵⁶ равно близко соответствуют старой мифологеме, смысл которой — наибольшие ценности связаны с наибольшим риском, опасностью⁵⁷.

Сама форма названия города Βυζάντιον должна, видимо, пониматься как фракийское соответствие др.-греч. Πύθων и выводиться скорее всего из формы типа и.-е. **Budh-i-ant-*. Ассимиляция дентального согласного в этих условиях является обычным для фракийского языка случаем, причем, как правило, *d(h) + i* (или *i*) дает именно ζ (позже иногда с потерей смычного элемента -σ), ср. Ζου-πορας (**Diu-poras*), Ζουρ- (**Djur-*) и т. п.⁵⁸ Словообразовательный элемент *-i* (: *-i-*) хорошо известен из многочисленных фракийских примеров; в некоторых из них бесспорно, что этот элемент служит для образования производной основы (ср. имена на -απιος, -επιος и др.), указывающей, в частности, на происхождение.

Предположение о соответствии фрак. Βυζ-: др.-греч. Πύθ- подтверждается ситуацией почти взаимодополнительного распределения территориальной приуроченности названий с Βυζ- и Πύθ- (исключения минимальны и, насколько можно судить, вторичного происхождения): первые приурочены к фракийской территории (помимо приведенных выше примеров, ср. еще Βυζια. Strab. VII, 7, 47 /столица астиев во Фракии, совр. *Виза*, и источник/, Βυζόνα. Strab. I, 3, 10 /на Черном море, совр. *Каварна*/⁵⁹, Βυζηνοί. Ptol. V, 4, 10

у подножья Парнаса в Фокиде, где позже были Дельфы с храмом Аполлона Пифийского, оракулом, пифией и т. п., при Πύθων, название пораженного здесь чудовища.

⁵⁶ Ср. позже (в середине XV в.) в «Плаче о падении Византии» греческого историка Дуки: «О город, город, глава всех городов! О город, город, центр четырех стран света! О город, город, гордость христиан и гроза варваров! О город, город, второй рай. . .» XLI. 1. См. Памятники византийской литературы IX—XIV вв. М., 1969, стр. 421 и след.

⁵⁷ «*Есть на слаженные в бою И бездны мрачной на краю. . .*»

⁵⁸ Ср. Д. Дечев. Характеристика . . . , стр. 22—23 и др. Впрочем известны и неассимилированные формы, ср. Βυδῖν при Βυζεις, Διζας при Ζειζας и др., в частности, пом. прогг. Βύδιος, сопоставляемое с Πύθιας, Πύθιας, Πύθιας (эпитет Аполлона). См. D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste, стр. 94. Здесь же (стр. 385) фрак. Πύθνα, Ρυθνα (вар. Κύθνα, *Cydna*) возводится к и.-е. **bhudhno*; ср. еще лик. Πύθνα. Ptol. 5, 3, 4, крит. Πύθνα, Πύθνα. Strab. 10, 3, 19; Steph. Byz. 328, 4.

⁵⁹ Чрезвычайно интересно, что с этим местом Страбон связывает известия о катаклизме. Ср. I, 3, 10: «Ведь наводнения и землетрясения, вулканические извержения и подъем морского дна вызывают и поднятие моря, тогда как опускание дна моря способствует его понижению. . . Равным образом могут происходить малые и значительные оседания дна моря, если только верно говорят, что в силу землетрясений появляются з и я ю щ и е р а с с е л и н ы и земля поглощает целые местности и селения, как это произошло в Буре и Бизоне и во многих других местах» (на западном побережье Черного моря); ср.: «Между Калатием и Аполлонией расположены Бизона, большая часть которой поглощена землетрясением, Круны, Одесс. . .» (VII, 6, 1).

/племя в Галатии и т. п.)⁶⁰ и практически полностью отсутствуют во всех тех частях Греции, где не было надежного фракийского субстрата (или даже адстрата); напротив, названия на Πυθ- (среди них и такие, которые в словообразовательном плане точно соответствуют типам с корнем Βυζ-) распространены в Греции и отсутствуют на фракийских территориях⁶¹. В частности в связи с реконструируемым для Βυζάντιον **budh-i-* заслуживают внимания формы имен типа Πυθίας, Πύθιον, Πυθίων, Πύθιοι (ср. *Pythionia*, один из восьми маленьких островов около Коркиры. Plin. IV, 53) и, конечно, эпитеты Аполлона — Πύθιος (наряду с Πυθαεύς, Πυθαῖος, Πυθοῖος; Πύθεος, Πύθειος, Πυθεύς), критск. Πύτιος, Ποίτιος, Ποίθιος, беот. Πούθιος и др.⁶²; ср. Πυθία, Πυθίη (эпич.) при Πυθειή как обозначение Артемиды и как название пифии. Эти случаи сочетания дентального с -i- (-i-) в словах указанного корня, как и сами рефлексы старых сочетаний этого типа (**thi* > **ts* > σ в начале слова и после согласного; -σσ- или -σ- в ионич., -σ- в аттич., -σσ- в лесб. и фессал., -ττ- в беот. в интервокальном положении⁶³), вынуждают обратить внимание на другие факты, ранее никогда в этой связи не привлекавшиеся и остающиеся в значительной степени не объясненными. Речь идет о др.-греч. βυζός 'глубина' (морская), 'про-

⁶⁰ Впрочем, остаются не вполне ясными названия, находящиеся вдали от фракийской территории. Ср.: Βύζρες, племя в понтийской Каппадокии, между Трапезунтом и Фарнакией (Strab. XIII, 3, 18; Scyl. 82, ср. λιμὴν Βυζερτικός. Steph. Byz. 190; ср.: *Buzeri*. Plin. VI, 4 и др.); Βυζάριοι, племя в Ливии около Карфагена (Strab. II. 433; ср. там же совр. *Бизертский залив*), ἡ Βυζακίς χώρα, Βυζακίτις χώρα, Βυζακίνα, Βυζακηνοί, ἡ Βυζακίτις, Βυζάκιον, *Buzasena* — все как обозначение бизакиев и их страны; Βυζάντειον, город на западном побережье Индии (Ptol. VII, 1, 7; ср. Βυζάντετα=Βυζάντιον. Simon. 161 и др.). Тем не менее, несомненно, что, по крайней мере, часть этих названий объясняется как результат перенесения фрак. Βυζ- (во всех указанных примерах речь идет о местах, расположенных на заливе, в бухте).

⁶¹ Не говоря о таких перенесениях или случаях грецизирования, как Πύθωνος χώρα в Малой Азии. О распространении имен и названий на Πυθ- и об их типах см.: W. P a r e. Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Dritte. Auflage. Braunschweig. 1863—1870, стр. 1275—1284 (ср. стр. 232); A. F i c k. Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt. Zweite Auflage. Göttingen, 1894, стр. 245—246; F. B e c h t e l. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917; P a u l y - W i s s o w a. Reallexik. d. klass. Altert. 47, 1963, стр. 170 и след., 307 и след., 515 и след., 606 и след.

⁶² Уместно отметить, что оба противника в мифе, носящие имя Πυθ-, т. е. Пифон и Пифейский Аполлон, тесно связаны с водой, в частности, с морем. Пифон живет в воде, в море, в озере, в реке. Аполлон как морское божество упоминается в одном из гомеровских гимнов, и в этой функции он переключается с Ζεὺς θαλάσσιος (ср. Ζεὺς χθόνιος). Таким образом, и в этом отношении оправдывается мнение о том, что Аполлон в схеме основного мифа вытеснил Зевса. Исходная схема могла бы выглядеть так: Громовержец поражает сына по имени **Budh-* (его матерью, возможно, была Земля), превращенного в чудовище; на этом месте начинается процветание. Ср. сына Аполлона по имени Πυθαεύς (< **Budh-*).

⁶³ Ср. продолжение и.-е. **medhios* (> др.-греч. *μεθίος): гомер. μέσ(σ)ος, лесб. μέσσοσ, аттич. μέσσοσ, беот. μέττοσ и под.

пасть', 'бездна', 'основание', 'дно' (уже в Илиаде), ср. βυζόθεν 'из глуби', ἄβυζος 'бездонный' (Геродот) и т. п. Особенно существенно, что в переводе 70 толковников βυζός fem. передает еврейск. *tahōm*, обозначающее преисподнюю (в этом же значении βυζός употребляется и в Новом Завете). Исходной формой для βυζός обычно полагают *βυθός⁶⁴; в таком случае получает особый смысл связь βυζός с βυθός, то же (ср. βύθιος 'глубокий', 'низкий (о голосе)'). Вместе с тем нет необходимости отделять βυζός и от βυθός 'глубокий' и т. д. (ср. βάζα, βήσα 'ущелье', 'лощина', 'долина'), в котором, кажется, следует видеть отражение и.-э. **bndh-*, ср. др.-греч. βένθος 'глубь' (особенно морская), с носовым элементом, появляющимся в словах этого корня и в лат. *fundus* и в некоторых средне- и новоиндийских и среднеиранских примерах (ср. пали *bunda* 'корень дерева' и др.). В связи с формами βυζός, βυθός приходится указать на известное своими холмами местечко Βυθίας, неподалеку от Византия (форма Βυθάρια. Euagr. III, 43 может оказаться небезинтересной ввиду Βύζερς, *Buzeri* и под., см. выше). Разумеется, формы с β-типа βυζός, βυθός доставляют исследователю определенные трудности, если они включены в контекст др.-греч. Πυθ-, фрак. Βύζ-. Тем не менее, историческая фонетика языков этого ареала (Греция, Фракия, Малая Азия) изобилует именно такими неясностями и многообразием рефлексов (в значительной степени именно из них родилась в последние годы «пеласгийская» проблема в лингвистике). Удерживая от поспешных и слишком определенных выводов, эти неясности приобретают особую эвристическую ценность при ориентации на аспект многоязычия и полиглотизма, без которых невозможно лингвистическое изучение этого ареала. Однако эти частные неясности не должны препятствовать обсуждению предложенного здесь объяснения названия Βυζάντιον. Несущий в своем имени отзвук великого катаклизма (прорыв вод Черного моря), Византий до конца сыграл свою символическую роль, погибнув от о г н я⁶⁵. Его история оказалась отме-

⁶⁴ Иногда и *βυθός. К этимологии см. E. Schwyz er. — Rhein. Mus. 81, 1932, стр. 203; Frisk I, стр. 275—276; Chantraine I, s. v. В связи с названиями Византия, Геллеспонта (: Гелла), Мраморного моря уместно напомнить византийское сказание о *Γυα(λ)ε*, *Γελ(λ)ε*, приводимое Аляцием в его трактате «De quorundam graecorum orinationibus» (ср. также «Περὶ τῆς Γύλλου» Михаила Пселла). Демоническое вредоносное женское существо вынуждено назвать свои тайные имена и тем самым лишиться своей злой силы. Среди этих имен: 1-е — Γυλοῦ . . . , 3-е — Βυζοῦ, 4-е — Μαρμαροῦ . . .». В XVII в. Котельер («Monumenta ecclesiastica graeca» I, стр. 149, 744—745) попытался объяснить эти имена. Так, Βυζοῦ он выводил из βύζω, βυζάνω 'сосать' (т. е. Βυζοῦ — 'сосущая из человека кровь, силы'), Μαρμαροῦ — из μάρμαρος 'белый' и т. п. С этими объяснениями, естественно, можно не соглашаться, но едва ли можно пройти мимо связи этих имен с номенклатурой этих мест.

⁶⁵ «Ты, унаследовавший Рим, святой Первосвященник, | Узнай, какой п о т о п о г н я на Византию хлынул: | Он залил весь ромейский мир. . .» — в «Плаче о падении Константинополя» (XV в.) анонимного автора. Ср. гераклитовский ἐκπύρωσις.

ченной этими двумя стихиями⁶⁶, и в этом он подобен миру, который, по эсхатологическим представлениям, погибнет «per rugosium et cataclysmum», как сформулировал Firmicus Maternus⁶⁷.

II. Русская «Голубиная книга» и иранский *BUNDAHIŠN*

В другой работе автора уже было обращено внимание на чрезвычайно глубоко проникающий параллелизм тем, формул и фразеологии знаменитой Голубиной книги и Бундахишна⁶⁸ и был приведен ряд соответствующих друг другу примеров. Голубиная книга (*Умом нам сей книги не сосметити | И очами нам книгу не обзрити*, — | *Великая книга голубиная!*)⁶⁹ совмещает в себе глубоко архаичный элемент старых космологических текстов и книжно-схоластический элемент таких позднейших сочинений, как «Беседа Трех Святителей», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской», «Liber S. Ioannis» (или «Interrogationes S. Ioannis et responsiones Christi Domini»), может быть, «Книга

⁶⁶ Ср. интерпретацию трезубца Посейдона, прародителя Византия, как образ огня в воде, см. С. Scott Littleton. Указ. соч.

⁶⁷ Ср. G. Dumézil. *Le mythe de l'éternel retour*. Paris, 1949, стр. 103 и след. — Не случайно, что городу бездны Византию, возникшему на самом краю Европы как окно в Азию, которая именно здесь ближе всего подходит к Европе, в историософской традиции уподобляется другому город — Петербург, Петрополь. И он — столица над бездн о й, на краю *своего* царства, окно в Европу, в *чужое* царство («пограничность»). И он, как Константинополь, носит имя своего державного создателя. И ему предсказан роковой катаклизм и забвение его имени («А какое ж имя, дядя, | Было городу тому?» | «Имя было? Да *чужое*, | Позабытое давно, | Оттого что не родное — | И не памятно оно». М. А. Дмитриев «Подводный город»). Мотив бездны, надежно укрытый в имени Византия, здесь выходит наружу и становится лейтмотивом, основной темой — «Не так ли ты над самой бездн о й. . .» у Пушкина или не раз у Блока. Ср.: «. . . страшная злота на Петербург закипает во мне, ибо я знаю, что это поганое, гнилое ядро, где наша удаль мается и чахнет, окружено такими бездн а м и, такими безд о н н ы м и топиями, которых око человеचे не видело, ухо — не слышало. . . знаю, знаю, что там, долго еще там ветру визжать, чертам водиться, самозванцам в кулаки свистеть!» (из письма к Е. П. Иванову от 25 июня 1905 г.). И о г о н ь здесь тоже не отделим от воды и от Змея, символа бездны: Но торжеством победы полны | Еще кипели злобно в о л н ы, | Как бы под ними тлел о г о н ь (Пушкин) или: Сойдут глухие вечера, | З м е й расклубится над домами. | В руке протянутой Петра | Запляшет факельное п л а м я (Блок). Ср. С. С. А в е р и н ц е в. Западно-восточный генезис литературных канонов византийского средневековья. «Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада». М., 1974, стр. 152—154.

⁶⁸ Ср. статью о структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией «мирового дерева». «Труды по знаковым системам» V. Тарту, 1971, стр. 43 и след.

⁶⁹ Основные варианты собраны в кн.: П. Б е с с о н о в. Калекі переходжне. Сборник стихов. Т. I, М., 1861, стр. 269—378 (16 списков); В. В а р е н ц о в. Сборник русских духовных стихов. СПб., 1860, стр. 11—39 (5 списков); ср. также Е. А. Л я ц к и й. Стихи духовные. СПб., 1912, стр. 7—16 и др.

Еноха» и под., которые также входят в этот класс текстов ⁷⁰. Тем не менее, ни один из этих памятников не может претендовать на преимущественную роль источника Голубиной книги и даже на особую полноту соответствий: слишком многое остается вне параллелей, и поэтому до сих пор Голубиная книга считается произведением весьма неясного и загадочного происхождения. Однако сравнение ее с Бундахишном, среднеиранским сочинением на пехлеви, посвященным сотворению мира и содержащим различные сведения по космологии, эсхатологии, естествознанию ⁷¹, позволяет утверждать, что именно последний может рассматриваться как наиболее близкий к Голубиной книге текст и ее предполагаемый источник ⁷². Вопросо-ответная форма Голубиной книги в связи с космологическим содержанием (причем структура космоса дается в соответствии с оплотнением материала по шкале космическо-природное → человеческо-культурное: Белый Свет, Солнце, Месяц, Звезды и т. д. вплоть до: человек, социальные классы, город, церковь, алтарь), отождествление элементов Космоса и частей человеческого тела, давших начало соответствующим космическим элементам, общий набор основных объектов и их предикатов и т. п. находят достаточно надежные и точные аналогии именно в Бундахишне. То, что Бундахишн гораздо более подробный текст ⁷³, чем Голубиная книга, и трактует многочисленные темы, никак не отраженные в русском памятнике, указывает на источник и направление заимствования или влияния. Кроме того, нужно иметь в виду, что Бундахишн, во-первых, имел предшественника в авестийском сочинении «Dāmdāt Nask» и поздние продолжения: так, Бехар, издатель «Истории Систана», указал, что «Ибн-Дихишти» не что иное, как искажение названия Бундахишна ⁷⁴; во-вторых, Бундахишн, по крайней мере, в тех частях, которые существенны в связи с Голубиной книгой, входит в це-

⁷⁰ См. В. Мочульский. Историко-литературный анализ стиха о Голубиной книге. Варшава, 1887.

⁷¹ О Бундахишне см.: Grundriß der iranischen Philologie. Bd. 2. Straßburg. 1895—1904 (работы E. W. West'a, A. V. W. Jackson'a); J. C. T a v a d i a. Die mittelpersische Sprache und Literatur der Zarathustrier. Leipzig, 1956, стр. 74—82 и др. Основные издания (индийского и иранского, или Большого Бундахишна): N. L. Westergaard. Bundehesh. Liber pehlevicus e vetustissimo codice Havniensi descripsit duas inscriptiones regis Saporis primi adjecit. Havniae. 1851; F. J u s t i. Der Bundehesh zum ersten Male herausgegeben, transcribirt, übersetzt und mit Glossar versehen. Leipzig, 1868; E. T. D. Anklesaria. The Bundahishn. Bombay, 1908.

⁷² Можно было бы высказаться определеннее, если бы не доступность других сходных текстов, оказавшихся утраченными.

⁷³ Иранский Бундахишн разделен на 46 глав; Бундахишн, используемый индийскими парсами, привезенный и изданный в 1771 г. Анкетилем Дюперроном, насчитывает около 13 000 слов.

⁷⁴ См. Б. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. — В кн.: Б. Э. Бертельс. Избранные труды. М., 1960, стр. 195. — Здесь же проициательно, хотя без какой-либо аргументации, Бундахишн называется зороастрийской «Голубиной книгой». Ср. также J. R u r k a. Iranische Literaturgeschichte. Leipzig, 1959, стр. 41 и след., 50 и след. и др.

лую литературу такого рода (достаточно сослаться хотя бы на «Rivayat»).

Принимая во внимание сказанное, допустимо высказать предположение, что и название *Голубиная книга* (в некоторых реально засвидетельствованных вариантах и согласно обычным конъектурам и/или реконструкции — *Глубинная книга*) имеет своим источником (или, в крайнем случае, является удивительным совпадением) название *Būndahišn*, ср. *Bun-dahišn(ih)*, собств. 'Пратворение', 'Начальное творение' или еще точнее 'Сотворение основы', 'Сотворение г л у б и'. Первый элемент этого названия как раз и сопоставляется с др.-инд. *budhnā-*, др.-греч. *πυθμήν* 'дно', 'основание', 'низ', 'род', 'порождение'⁷⁵, лат. *fundus*, др.-в.-нем. *bodam*, нем. *Boden*, праслав. **bъdno* < **budn-* < **budhn-* (ср. словц. диал. *bedno* 'дно') и др. И в гатах, и в младших частях Авесты отмечено слово того же происхождения *būna-* masc. со значением 'основа', 'дно', 'г л у б и н а', ср.: *bunəṃ aṇhəuš təmanhahe*. Videvd. XIX, 47; *bune jafranəm vairyanəm*. Videvd. XIX, 42; *Yt. XIX, 51* и особенно о морской г л у б и: *bunəṃ zray-aṇhō*. *Yt. XIX, 51*; ср. также производные со значением 'самый нижний', 'нижняя сторона', младоавест. *bunāva* 'von der Unterseite stammend': *aspəṃ varəṣəm . . . vaənaiti katārō aṇravō vā b u n a v o vā*. *Yt. XVI, 10*; XIV, 31⁷⁶. Др.-иран. *būna-* имеет продолжения в пехл. *bun*, н.-перс. *bun*, курдск. *bun*, *буні* (в Туркмении), белудж. *bunā* 'внизу', вахан. *bon*, шугн. *bon*, *bun*, бартанг. *bun*, рушан., хуфск. *bun*, язгул. *bon*, осет. *bun*, *bun* и др., ср. сакск. *buna-* 'основание' и т. п. (арм. *bun*, видимо, иранизм)⁷⁷. Вторая часть названия *Būndahišn* передает идею с о т в о р е н и я и представляет собой отглагольное существительное, производное от *dā-* 'создать', 'сотворить', выражающего идею подлинного космического творения⁷⁸; ср. использование этого глагола в ахеменидских надписях, в частности, в отрывках, описывающих сотворение Вселенной⁷⁹. Таким образом, название Бундахишн,

⁷⁵ Кстати, эти последние значения, развивающиеся в словах этого корня, хорошо объяснили бы постоянную формулу Голубиной книги: *Которая у нас земля всем землям м а т ь* (гора всем горам, город — городам, древо всем древам и т. п.). Особенно интересно соответствие *Которое у нас море всем м о р я м м а т ь* и отмеченного выше геродотовского *μήτηρ τοῦ Πύθου* (IV, 86), укорененного в соответствующей фразеологии.

⁷⁶ Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, стр. 967—968.

⁷⁷ Интересно, что в ряде этих примеров или в других производных от того же корня появляются значения 'наследие', 'наследство', 'семья', 'дом' и т. д., подчеркивающие идею надежности, преемственности, прочности и т. п. — вопреки первоначальным смыслам. Такого рода эволюция допустима и для названия Βυζάντιον.

⁷⁸ Об отличии этого глагола от других глаголов творения (*θwars-*, *karant-*, *taš-*) см. A. V. W. Jackson. — В кн.: Н. Т. Реск. Semitic Theory of Creation. Chicago, 1886, стр. 25—27; Он же. — Grundriß der iranischen Philologie, Bd. 2, стр. 672—673 и др.

⁷⁹ Ср.: *Baga vazarka Auramazdā hya imām būmim a d ā hya avam asmānam a d ā hya martiyam a d ā hya šiyātim a d ā . . .* Накш-и-Рустам; *hauv Dārayavaum xšāyaviyām a d a d ā*. Дар. Персеп. d. 1.

понимаемое как 'Г л у б и сотворения', может рассматриваться как довольно точная модель названия *Г л у б и н н о й к н и г и*, в которой эпитет *Глубинная* может даже быть переводом иран. *bun-* (< **budhn-*). Возможно, что именно этимологическая игра (кстати, весьма характерная и для Бундахишна⁸⁰) способствовала затемнению первоначального значения, а потом и его подмене: *глубинный* → *голубиный*⁸¹. Впрочем, идея названия Бундахишна могла бы быть выражена и средствами русского словаря, этимологически тождественными указанным иранским элементам, — **Буденная книга* или *Будней Деяние*⁸² (ср. *ḫmérai* в *Ḫmérai* Гесиода).

Вяч. Вс. Иванов

РАЗЫСКАНИЯ

В ОБЛАСТИ АНАТОЛИЙСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ. 3—8

3. Хатт. *ḫa-prašš-* 'леопард' как источник хетт. *paršana-* и евразийск. названий барса, тигра

Благодаря хатти-хеттской билингве 412/б (СТН 726) Vs 30 а, б устанавливается тождество хатт. *ḫaprašš-un* и хеттского логографического написания *ŠA UG. TUR* 'леопарда, леопардово'¹. В хаттском слове выделяется не только суффикс *-(u)n*, но и префикс *ḫa-*, как и в формах типа *ḫa- p/wi-wina-n* 'среди людей' (в смысле 'на языке людей'), *ḫa-palkiy-an* 'из железа, железный' (в сочетаниях

⁸⁰ О чем ср. J. Darmesteter. *Le Zend-Avesta, traduction nouvelle avec commentaire*. I—III. Paris, 1892—1893.

⁸¹ Нельзя исключать, что сходный процесс мог быть пережит и в любопытном описании: Приходит к нему [Вавиле] . . . ангел. Г о л у б ь . . . прилетел с ангелом . . . Тебя Бог наградил, ты будешь Вавило-скоморох, г о л у б и н ы й б о г ! (см. Словарь русских народных говоров. Вып. 6, 1970, стр. 337). В некоторых вариантах Голубиной книги также появляется *голубь* с единственной целью — оправдать название текста. *Голубиный бог* этого отрывка типологически вполне мог бы быть аналогом др.-инд. *Ahi Budhnyā* 'Змей Глубин', понимаемому как божество, и, следовательно, допускать реконструкцию **Глубинный бог*. Разумеется, гипотетично.

⁸² К *будни*, *буденный* см. «Этимология 1974». М., 1976, стр. 12—13. Сам мотив Книги как собрания ответов на вопросы мироздания является характерной иранской идеей.

¹ A. Kammenhuber. *Das Hattische*. «Handbuch der Orientalistik», 1 Abt., 2 Bd., 1. und 2. Abschnitt, Lief. 2, Kleinasiatische Sprache. Leiden/Köln, 1969, стр. 479 (в транслитерации идеограммы опечатка). Камменхубер не выделила префикса *ḫa-* (ср. о нем там же, стр. 473, 491) в этой хаттской основе, которая пропущена и в индексе к книге, видимо, поэтому это слово до сих пор не обратило на себя внимания лингвистов.